

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-10-11>

УДК 316.4:004.8

Attribution

cc by

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
КАК НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Кокулов А.Ф.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Аннотация. Цель статьи — выявить особенности использования искусственного интеллекта студентами региональных вузов и определить социальные характеристики и ресурсы, связанные с различиями в его освоении. Эмпирическую основу составили данные анкетного онлайн-опроса 264 студентов вузов Чувашской Республики и Республики Мордовия, проведённого в апреле–июне 2026 г. Для анализа применялись критерий χ^2 Пирсона, U-критерий Манна–Уитни, H-критерий Краскела–Уоллиса, ранговая корреляция Спирмена и порядковая логистическая регрессия. Установлено, что более 80 % опрошенных регулярно или периодически используют ИИ. Наиболее выраженные различия выявлены по полу: юноши чаще используют ИИ, выше оценивают уверенность в его профессиональном применении и чаще связывают владение им с рыночной отдачей. Наиболее последовательную связь с освоением ИИ демонстрирует внеучебный цифровой опыт.

Ключевые слова: социология, цифровое неравенство, искусственный интеллект, студенческая молодёжь, региональные вузы, гендерные различия, цифровая социализация, цифровой капитал, использование ИИ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A NEW DIMENSION
OF DIGITAL INEQUALITY AMONG UNIVERSITY STUDENTS

Andrey F. Kokulov

National Research Mordovia State University

Abstract The aim of the article is to identify the specific features of artificial intelligence use among students at regional universities and to determine the social characteristics and resources associated with differences in its adoption. The empirical basis comprises data from an online questionnaire survey of 264 students from universities in the Chuvash Republic and the Republic of Mordovia, conducted from April to June 2026. The analysis employed Pearson's chi-square test, the Mann–Whitney U test, the Kruskal–Wallis H test, Spearman's rank correlation coefficient, and ordinal logistic regression. The findings show that more than 80% of respondents use AI regularly or occasionally. The most pronounced differences were found by gender: male students use AI more frequently, report greater confidence in its future professional application, and are more likely to associate AI proficiency with labour-market returns. Extracurricular digital experience demonstrates the most consistent association with AI adoption.

Keywords: sociology, digital inequality, artificial intelligence, university students, regional universities, gender differences, digital socialization, digital capital, AI use.

Funding: Independent work.

Введение.

Ещё несколько лет назад разговор о цифровом неравенстве студентов сводился к вопросу: Есть ли у человека компьютер и устойчивый интернет? Сегодня этот вопрос в студенческой среде почти снят: смартфон есть практически у каждого, а доступ к сети стал фоном повседневной жизни. На первый план вышли различия другого рода — что человек умеет делать с технологиями и что он получает от их использования. Именно так описывает эволюцию цифрового разрыва Я. ван Дейк, выделяя:

- мотивационный, материальный, навыковый доступ и доступ к использованию [1];
- близкую логику задают концепции «второго уровня» цифрового неравенства Э. Харгиттаи [2];
- сдвига разрыва к различиям в характере использования [3].

Генеративный искусственный интеллект (далее — ИИ) сделал эту картину сложнее. Чат-боты и языковые модели бесплатны или почти бесплатны, работают в браузере смартфона и не требуют специальной подготовки. Казалось бы, технология с таким низким порогом входа должна выравнивать шансы. Однако ранние исследования показывают обратное: различия заключаются в том, кто пользуется ИИ, как часто и с какими ожиданиями, воспроизводят знакомые социальные границы — прежде всего гендерные и дисциплинарные [8; 9; 12]. Поэтому в литературе всё чаще говорят об особом «ИИ-разрыве» (GenAI divide), который не заменяет прежние уровни цифрового неравенства, а надстраивается над ними [11].

Для региональных вузов этот вопрос стоит особенно остро. Крупные российские опросы по теме ИИ в образовании проводились преимущественно в ведущих университетах [12], тогда как студенты региональных вузов Поволжья в них представлены слабо.

В предыдущих работах мы описали цифровые компетенции, барьеры и мотивацию студентов Мордовии, Пензенской области и Чувашии [14–16], но практики использования ИИ в них не рассматривались.

Цель статьи – выяснить, как распределены практики использования ИИ, уверенность в его профессиональном применении и отношение к нему среди студентов региональных вузов, и какие социальные характеристики и ресурсы с этими различиями связаны.

Мы ставили три исследовательских вопроса.

Первый: Различается ли использование ИИ и уверенность в нём по полу, материальному положению, направлению подготовки и региону обучения?

Второй: какие ресурсы цифровой социализации – семейная поддержка, внеучебный опыт, обеспеченность устройствами – связаны с показателями освоения ИИ?

Третий: сохраняются ли гендерные различия, если учесть эти ресурсы одновременно?

Обзор литературы

Теоретической рамкой исследования служит многоуровневая модель цифрового неравенства.

Я. ван Дейк рассматривает доступ как последовательность этапов: от мотивации и материальной обеспеченности к навыкам и, наконец, к использованию, которое приносит (или не приносит) социальную отдачу [1].

Э. Харгиттаи ещё в 2002 г. показала, что при равном доступе к сети люди сильно различаются по умению находить нужную информацию, и назвала эти различия цифровым разрывом второго уровня [2].

Позднее, А. ван Дурсен и Я. ван Дейк зафиксировали, что разрыв смещается к типам использования: более образованные группы чаще используют интернет для «капиталоёмких» целей – образования, работы, информации [3].

М. Рагнелла предложил говорить о цифровом капитале как о накопленном наборе цифровых компетенций и ресурсов, который конвертируется в другие формы капитала [4]. Для нашего исследования эта идея важна: если умение работать с ИИ – форма цифрового капитала, то важно понять, откуда у студентов берутся ресурсы для его накопления.

Российская социология давно фиксирует ту же закономерность.

По данным О. В. Волченко, неравенство в самом факте использования интернета в России сокращалось, тогда как неравенство в его информационном использовании росло; мужчины чаще использовали сеть как источник информации, хотя на факт использования пол не влиял [5].

Т. С. Мартыненко и Д. Е. Добринская описали переход «от цифрового к алгоритмическому разрыву»: неравенство возникает уже не только между пользователями и непользователями, но и между теми, кто понимает логику алгоритмов, и теми, кто остаётся их объектом [6].

Н. Б. Костина и А. А. Чижов рассматривают ИИ как фактор трансформации всех уровней цифрового неравенства [7].

Эмпирические данные о студентах и генеративном ИИ накапливаются быстро. Наиболее устойчивый результат – гендерный разрыв.

Сводный обзор К. Крэнни, С. Делекур и Р. Книнга, объединивший данные о 318 924 респондентах и пользователях, оценивает долю использующих генеративный ИИ в 47,8 % среди мужчин и 39,3 % среди женщин; по оценке авторов, относительный разрыв сократился, но с начала 2025 г. стабилизировался на уровне около 16 % [8].

В шведском опросе (n = 5 894) студентки, а также студенты гуманитарных и медицинских специальностей чаще выражали опасения и негативные оценки роли ИИ в обучении, тогда как мужчины и студенты технических направлений чаще им пользовались и смотрели на него оптимистичнее [9].

Американское исследование (N = 1 267) дало менее однозначную картину: связи социально-экономического статуса и пола с оценками приемлемости ChatGPT оказались слабыми и неустойчивыми, причём женщины оценивали приемлемость его использования даже позитивнее [10].

К. Бекман с соавторами на основе кластерного анализа выделили три профиля студентов – новичков, осторожных и увлечённых пользователей – и предупредили, что ИИ может повторить прежние цифровые разрывы, если университеты не возьмут на себя роль поддержки [11].

В России крупнейшим источником данных остаётся опрос студентов ведущих вузов, проведённый в 2025 г. (N = 4 207).

Я. И. Кузьминов с соавторами показали, что наиболее заметный разрыв в практиках использования ИИ проходит между студентами STEM- и не-STEM-направлений, а для студентов с высокой успеваемостью ИИ чаще становится инструментом развития [12].

Е. А. Поспелова с соавторами на выборке 730 студентов, напротив, обнаружили лишь незначительные различия между гуманитариями и технарями в восприятии ИИ-персонализации обучения [13].

Таким образом, вопрос о том, какие именно социальные различия структурируют освоение ИИ – пол, направление подготовки, материальное положение, – остаётся открытым. Особенно мало данных о региональных вузах, где стартовые условия студентов заметно разнятся.

Материалы и методы исследования.

Эмпирическую базу составили данные анкетного онлайн-опроса студентов, проведённого в апреле-июне 2026 в Чувашской Республики и Республики Мордовия. После отсева незаполненных анкет в анализ вошли ответы 264 человек. Опрос является третьей частью срезового авторского исследования цифрового неравенства студенческой молодёжи; первые две волны описаны ранее [14–16]. Анкета третьей волны впервые включала блок из десяти вопросов об ИИ. Характеристики выборки приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Социально-демографические характеристики респондентов (n = 264).

Признак	Категория	Абс.	%
Пол	Мужской	166	62,9
	Женский	98	37,1
Возраст	18 лет	129	48,9
	19 лет	67	25,4
	20 лет	34	12,9
	21 год и старше	33	12,5
	Младше 18 лет	1	0,4
Регион обучения	Чувашская Республика	218	82,6
	в т. ч. Чебоксары	199	75,4
	Республика Мордовия (Саранск)	43	16,3
	Другие регионы	3	1,1
Направление подготовки	Инженерное	198	75,0
	Прочие направления	66	25,0
Уровень образования	Бакалавриат	227	86,0
	Специалитет	33	12,5
	Магистратура, аспирантура	4	1,5
Занятость	Не работают	198	75,0
	Работают не по специальности	47	17,8
	Работают по специальности	19	7,2
Материальное положение	Низкое	58	22,0
	Среднее	141	53,4
	Высокое	46	17,4
	Затруднились ответить	19	7,2

Разработано автором.

В выборке преобладают юноши (62,9 %), первокурсники и второкурсники в возрасте 18–19 лет (74,2 %) и будущие инженеры (75,0 %). Этот перекося мы учитываем при интерпретации. Отметим одну важную особенность: все 198 студентов инженерных направлений учатся в Чувашии, а все 43 студента из Мордовии – на неинженерных направлениях. Поэтому региональное сравнение в полной выборке смешано с различием направлений, и мы проводим его отдельно – внутри неинженерной подвыборки.

Зависимые переменные – четыре показателя освоения ИИ. Использование ИИ измерялось вопросом: «Используете ли Вы искусственный интеллект в повседневной жизни или учёбе?» (ответы «редко» и «никогда» объединены из-за малой численности последней группы – 7 человек).

Уверенность в профессиональном применении – вопросом: «Насколько Вы уверены, что сможете использовать ИИ в будущей профессиональной деятельности?» (четырёхбалльная шкала). Намерение – вопросом о вероятности использовать ИИ для учёбы. Установки описывались пятью вопросами: об отношении к росту роли ИИ и автоматизации, о том, станет ли ИИ обязательным инструментом в большинстве профессий, заменит ли он часть умственной работы, как повлияет на качество образования и вызывает ли обеспокоенность анализ личных данных. Отдельный вопрос касался того, что может дать студенту умение работать с ИИ.

Независимые переменные – пол, материальное положение, направление подготовки, регион обучения, занятость и успеваемость, а также три ресурса цифровой социализации: возможность получить помощь семьи в решении цифровых задач (три градации), оценка роли внеучебного жизненного опыта в развитии цифровых навыков (пять градаций) и наличие персонального компьютера. Материальное положение сгруппировано в три категории: низкое («не хватает даже на продукты питания») и «хватает только на продукты»), среднее («хватает на продукты и одежду, но не на длительные покупки») и высокое («могу приобретать вещи длительного пользования... но не очень дорогие» и «без труда могу себе позволить дорогие вещи»). Высокая группа почти целиком (43 из 46 человек) состоит из ответов первого типа.

Ответы «затрудняюсь ответить» исключались из расчётов по соответствующему вопросу, поэтому число наблюдений в разных расчётах различается; оно указано в таблицах. Для сравнения групп использовались критерий χ^2 Пирсона, U-критерий Манна – Уитни и H-критерий Краскела – Уоллиса, для оценки связей – коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r). Чтобы проверить, сохраняются ли различия при одновременном учёте нескольких факторов, мы построили модели порядковой логистической регрессии и приводим отношения шансов (ОШ) с 95-процентными доверительными интервалами. Уровень значимости – 0,05. Расчёты выполнены в Python (библиотеки pandas, SciPy, statsmodels)

Результаты исследования.
Кто пользуется искусственным интеллектом
ИИ для студентов опрошенной выборки – привычный инструмент. Регулярно им пользуются 44,7 %

респондентов, иногда – 37,5 %, редко или никогда – 11,7 %, ещё 6,1 % затруднились с ответом. Но за общими цифрами скрывается заметная асимметрия (табл. 2).

Таблица 2.

Использование искусственного интеллекта и уверенность в его профессиональном применении в зависимости от пола респондентов, % по столбцу.

Показатель	Жен- щины	Муж- чины	Всег о
Использование ИИ (n = 248)			
Регулярно	38,5	52,9	47,6
Иногда	42,9	38,2	39,9
Редко или никогда	18,7	8,9	12,5
$\chi^2 = 7,217$; $df = 2$; $p = 0,027$			
Уверенность в применении ИИ в будущей профессии (n = 264)			
Полностью уверен(а)	31,6	48,2	42,0
Скорее уверен(а)	53,1	42,2	46,2
Скорее не уверен(а)	13,3	7,8	9,8
Совсем не уверен(а)	2,0	1,8	1,9
U-критерий Манна – Уитни: $p = 0,008$			
Считают вероятным использование ИИ в учёбе (n = 238)	86,2	87,4	87,0
U-критерий Манна – Уитни: $p = 0,118$			

Примечание: ответы «затрудняюсь ответить» исключены.
Разработано автором.

Среди юношей регулярно пользуются ИИ 52,9 %, среди девушек – 38,5 %. Доля тех, кто почти не прибегает к ИИ, у девушек вдвое выше: 18,7 % против 8,9 % ($\chi^2 = 7,217$; $df = 2$; $p = 0,027$). Похожая картина с уверенностью: полностью уверены, что смогут использовать ИИ в профессии, 48,2 % юношей и 31,6 % девушек (U-критерий, $p = 0,008$). При этом суммарная доля уверенных («полностью» и «скорее») различается меньше – 90,4 % и 84,7 %. Иначе говоря, девушки не столько сомневаются в своих возможностях, сколько реже выбирают крайнюю позитивную оценку. А вот намерение использовать ИИ в учёбе у юношей и девушек почти одинаково: 87,4 % и 86,2 % считают это вероятным ($p = 0,118$).

Другие социальные различия оказались неожиданно слабыми. Ни частота использования ИИ, ни уверенность в нём не связаны с материальным положением (H-критерий, $p = 0,625$ и $p = 0,345$), занятостью ($p = 0,971$ и $p = 0,162$) и успеваемостью ($p = -0,026$ и $p = 0,010$; оба незначимы). Не различаются по этим показателям и студенты инженерных и прочих направлений ($p = 0,398$ и $p = 0,655$). Последний результат расходится с данными опроса ведущих вузов, где разрыв

между STEM и не-STEM был одним из самых заметных [12], и ближе к выводу о незначительных различиях между гуманитариями и технарями [13].

Региональное сравнение тоже не выявило различий. В полной выборке частота использования ИИ у студентов из Мордовии и Чувашии практически совпадает ($\chi^2 = 2,168$; $df = 2$; $p = 0,338$). Поскольку регион в нашей выборке смешан с направлением подготовки, мы сравнили только студентов неинженерных направлений: 43 человека из Мордовии и 20 из Чувашии. Различия и здесь незначимы ни по использованию ($p = 0,200$), ни по уверенности ($p = 0,233$).

Установки: оптимизм, тревога и ожидаемая отдача.

Установки в отношении ИИ дают более дифференцированную картину (табл. 3). Большинство студентов положительно относятся к росту роли ИИ и автоматизации и уверены, что в большинстве профессий он станет обязательным инструментом. Мнения о влиянии ИИ на качество образования разделились сильнее: 64,5 % из тех, кто дал содержательный ответ, ожидают улучшения, 35,5 % – ухудшения.

Таблица 3.

Установки студентов в отношении искусственного интеллекта в зависимости от пола, % согласных.

Установка	Жен- щины	Му- жчины	Всего
Положительно относятся к росту роли ИИ и автоматизации (n = 227)	48,8	69,9	62,1

Считают, что ИИ станет обязательным инструментом в большинстве профессий (n = 241)	76,7	84,8	1,7	8	,143
Считают, что ИИ способен заменить часть умственной работы (n = 228)	58,8	72,0	7,1	6	,019
Ожидают, что ИИ улучшит качество образования (n = 217)	58,8	67,9	4,5	6	,061
Обеспокоены использованием ИИ для анализа личных данных (n = 236)	58,3	55,9	6,8	5	,684

Примечание: доля согласных – сумма ответов «да» и «скорее да» (для первой строки – «положительно»); ответы «затрудняюсь ответить» исключены; р – U-критерий Манна – Уитни по полной шкале ответов.
Разработано автором.

Пол снова оказывается главной линией различий. Юноши чаще относятся к росту роли ИИ положительно (69,9 % против 48,8 %; $p = 0,003$) и чаще соглашаются, что ИИ способен заменить часть умственной работы (72,0 % против 58,8 %; $p = 0,019$). По остальным установкам различия направлены в ту же сторону, но не достигают уровня значимости. Примечательно, что обеспокоенность использованием ИИ для анализа личных данных у юношей и девушек одинакова (55,9 % и 58,3 %; $p = 0,684$). Значит, девушки не более тревожны в отношении ИИ; они осторожнее в оценке его общественной роли.

Обеспокоенность приватностью связана не с полом, а с практикой. Среди тех, кто пользуется ИИ регулярно, её выражают 44,7 %, среди использующих Таблица 4.

Представления студентов о том, что даёт умение работать с искусственным интеллектом, в зависимости от пола, % от числа респондентов соответствующего пола.

Ожидаемая отдача	Женщины (n = 98)	Мужчины (n = 166)	Всего (n = 264)
Рыночная отдача (карьерный рост и доход, конкурентоспособность, новые профессиональные роли)	15,3	38,6	29,9
Эффективность (ускорение задач, снижение рутинной нагрузки)	53,1	44,6	47,7
Творческие возможности	14,3	6,6	9,5
Существенных преимуществ не даст; затрудняюсь ответить	16,3	9,6	12,9

Примечание: $\chi^2 = 15,877$; $df = 2$; $p < 0,001$ (рассчитан по первым трём группам, n = 230).
Разработано автором.

Юноши в 2,5 раза чаще девушек видят в ИИ способ повысить свою ценность на рынке труда (38,6 % против 15,3 %). Девушки чаще связывают его с ускорением работы и снятием рутины (53,1 % против 44,6 %) и вдвое чаще – с творческими возможностями (14,3 % против 6,6 %) ($\chi^2 = 15,877$; $df = 2$; $p < 0,001$). В терминах теории цифрового капитала [4] можно предположить, что юноши чаще ожидают его конвертации в

экономический капитал, а девушки – экономии собственного времени.

Ресурсы освоения искусственного интеллекта.

Какие ресурсы стоят за этими различиями? Мы проверили три: помощь семьи, внеучебный опыт и наличие персонального компьютера. Результаты приведены в таблице 5.

Таблица 5.

Связь ресурсов цифровой социализации с показателями освоения искусственного интеллекта (коэффициенты ранговой корреляции Спирмена ρ).

Ресурс	Частота использования	Уверенность в применении	Намерение использовать в учёбе	Отношение к росту роли ИИ	Обеспокоенность анализом личных данных
--------	-----------------------	--------------------------	--------------------------------	---------------------------	--

Роль внеучебного опыта	*	0,205*	**	0,334*	**	0,235*	*	0,230*	0,003
Помощь семьи в цифровых задачах		-0,088		-0,011		-0,125		0,063	0,089
Наличие персонального компьютера		0,050		0,028		0,019		0,124	-0,121
Оценка условий вуза для освоения новых технологий		0,038	*	0,196*		0,074		0,092	-0,087

Примечание: ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; без звёздочек – $p > 0,05$. Число наблюдений – от 208 до 264 в зависимости от пары показателей.

Разработано автором.

Из трёх ресурсов с показателями освоения ИИ последовательно связан только один – внеучебный опыт. Чем выше студент оценивает роль жизненного опыта вне учёбы в развитии своих цифровых навыков, тем чаще он пользуется ИИ ($p = 0,205$), тем увереннее в его профессиональном применении ($p = 0,334$) и тем позитивнее относится к росту его роли ($p = 0,230$). Разница между группами наглядна: среди тех, кто оценивает роль внеучебного опыта как существенную или очень сильную, регулярно пользуются ИИ 53,0 %, среди остальных – 33,9 %; полностью уверены в своих возможностях 50,0 % и 21,9 % соответственно. С обеспеченностью приватностью внеучебный опыт не связан ($p = 0,003$).

Помощь семьи, вопреки ожиданиям, не связана ни с использованием ИИ, ни с уверенностью в Таблица 6.

Факторы освоения искусственного интеллекта: результаты порядковой логистической регрессии, отношения шансов [95 % доверительный интервал].

Предиктор	Частота использования	Уверенность в применении	Намерение использовать в учёбе
Пол (мужской)	1,80 [0,97; 3,32]	1,70 [0,92; 3,12]	1,48 [0,79; 2,78]
Материальное положение	1,18 [0,76; 1,84]	1,04 [0,68; 1,58]	1,63 [1,04; 2,55]*
Направление (инженерное)	1,01 [0,54; 1,91]	0,99 [0,53; 1,82]	0,99 [0,52; 1,86]
Занятость (работает)	0,84 [0,46; 1,51]	1,43 [0,79; 2,58]	0,68 [0,37; 1,23]
Роль внеучебного опыта	1,53 [1,17; 2,00]**	2,20 [1,67; 2,89]***	1,53 [1,15; 2,02]**
Помощь семьи	0,84 [0,56; 1,25]	1,14 [0,76; 1,70]	0,63 [0,42; 0,94]*
Наличие компьютера	0,92 [0,52; 1,65]	0,82 [0,46; 1,47]	0,84 [0,46; 1,53]
n	225	239	216
LR χ^2 (df = 7); p	17,05; 0,017	41,62; < 0,001	20,99; 0,004
R ² Макфаддена	0,039	0,087	0,046

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$. Материальное положение, роль внеучебного опыта и помощь семьи введены как порядковые шкалы.

Разработано автором.

Если в модель включён только пол, шансы юношей оказаться в более высокой категории частоты использования ИИ в 1,83 раза выше, чем у девушек ($p = 0,020$), а в более высокой категории уверенности – в 1,99 раза ($p = 0,006$). После добавления внеучебного

опыта отношения шансов снижаются до 1,68 и 1,67 соответственно ($p = 0,048$ и $p = 0,045$). В полной модели, где одновременно учтены материальное положение, направление подготовки, занятость, помощь семьи и наличие компьютера, эффект пола теряет статистиче-

связи. Не связано с ними и наличие компьютера. Для технологии, доступной со смартфона, это закономерно: материальный барьер здесь практически отсутствует. Слабая положительная связь наблюдается между уверенностью и оценкой условий университета для освоения новых технологий ($p = 0,196$; $p = 0,002$), но с частотой использования эта оценка не связана. Внеучебный опыт сам распределён неравномерно. Юноши оценивают его роль выше, чем девушки: существенным или очень сильным его считают 80,4 % юношей и 65,6 % девушек ($p = 0,001$). Это позволяет предположить, что часть гендерного разрыва в освоении ИИ объясняется различием в опыте, накопленном вне аудитории. Чтобы проверить это предположение, мы построили модели порядковой логистической регрессии (табл. 6).

скую значимость ($p = 0,061$ и $p = 0,090$), тогда как эффект внеучебного опыта сохраняется (ОШ = 1,53 и ОШ = 2,20; $p \leq 0,002$).

Намерение использовать ИИ в учёбе устроено иначе. Здесь значимы материальное положение (ОШ = 1,63; $p = 0,033$) и помощь семьи – причём с отрицательным знаком (ОШ = 0,63; $p = 0,025$): студенты, которые могут легко получить помощь родных, при прочих равных реже уверены, что будут использовать ИИ в учёбе. Этот результат требует проверки на других выборках; одно из возможных объяснений – ИИ отчасти замещает недостающую поддержку со стороны семьи.

Обсуждение.

Ответ на первый исследовательский вопрос звучит так: в опрошенной выборке освоение ИИ дифференцировано прежде всего по полу, тогда как материальное положение, направление подготовки, занятость, успеваемость и регион с ним не связаны. Гендерный разрыв проявляется в частоте использования, в уровне уверенности и особенно в установках, но не в намерении пользоваться ИИ в учёбе и не в тревоге за личные данные. Это согласуется с международными данными о гендерном разрыве в использовании генеративного ИИ [8] и с результатами шведского опроса [9]. В то же время отсутствие различий по направлению подготовки расходится с выводами опроса ведущих российских вузов [12]. Возможное объяснение – специфика нашей выборки, где неинженерные направления представлены небольшой группой (66 человек), а инженеры составляют три четверти опрошенных.

Отсутствие связи с материальным положением – важный для теории цифрового неравенства результат. На уровне базового доступа ИИ действительно оказывается «дешёвой» технологией: для работы с ним достаточно смартфона. В этом смысле, ИИ не воспроизводит материальный разрыв первого уровня [1]. Но это не означает, что неравенства нет. Оно смещается туда, где его предсказывает модель ван Дейка, – в мотивацию, навыки и ожидаемую отдачу [1; 3], а также в понимание алгоритмов, о котором пишут Т. С. Мартыненко и Д. Е. Добринская [6].

Ответ на второй вопрос: из проверенных ресурсов с освоением ИИ последовательно связан только внеучебный опыт. Семейная поддержка, которая традиционно рассматривается как канал передачи цифрового капитала [4], в случае ИИ не работает – вероятно, потому что родители студентов сами осваивают эти

инструменты одновременно с детьми или позже них. Ответ на третий вопрос: после учёта внеучебного опыта и других факторов гендерный эффект ослабевает и теряет значимость, хотя его направление сохраняется. Мы интерпретируем это осторожно: часть различий между юношами и девушками связана с тем, что юноши чаще приобретают цифровой опыт вне учёбы. Опрос не позволяет сказать, какой это опыт – игры, программирование, подработка или что-то другое.

Отдельного внимания заслуживает различие в ожидаемой отдаче. Юноши видят в ИИ рыночный актив, девушки – инструмент экономии времени и творчества. Если эти ожидания определяют, как студенты будут вкладываться в освоение ИИ, гендерный разрыв может проявиться на третьем уровне цифрового неравенства – в социальных результатах, прежде всего на рынке труда. Сейчас это гипотеза, и проверить её можно только в лонгитюдном исследовании.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что в региональных вузах Поволжья ИИ уже стал массовой студенческой практикой: регулярно или иногда им пользуются более 80 % опрошенных. Материальное положение, направление подготовки и регион обучения с освоением ИИ не связаны – по крайней мере, на уровне самого факта и частоты использования. Главной линией различий остаётся пол. Юноши пользуются ИИ чаще, увереннее оценивают свои возможности, позитивнее относятся к его распространению и чаще ожидают от него рыночной отдачи. Эти различия во многом связаны с неравенством внеучебного цифрового опыта, который оказался единственным последовательным ресурсом освоения ИИ.

Для вузов из этого следует практический вывод. Если ключевой ресурс освоения ИИ формируется вне аудитории и распределён неравномерно, университет может частично компенсировать этот разрыв – через учебные задания, в которых работа с ИИ связана с профессиональными задачами, и через открытое обсуждение того, какие возможности на рынке труда даёт этот навык.

Дальнейшие исследования мы видим в проверке полученных результатов на сбалансированной по полу и направлению выборке, в объективной оценке навыков работы с ИИ и в сравнении с первыми двумя волнами опроса.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge; Medford: Polity Press, 2020. P. 208. ISBN: 978-1-5095-3444-9
2. Hargittai E. *Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills // First Monday*. 2002. Vol. 7, no. 4. DOI: 10.5210/fm.v7i4.942
3. Van Deursen A. J. A. M., Van Dijk J. A. G. M. *The digital divide shifts to differences in usage // New Media & Society*. 2014. Vol. 16, no. 3. P. 507-526. DOI: 10.1177/1461444813487959

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

4. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital // *Telematics and Informatics*. 2018. Vol. 35, no. 8. P. 2366-2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006
5. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 163-182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10 EDN: YFOSRV
6. Мартыненко Т. С., Добринская Д. Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 1. С. 171-192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807 EDN: ZMNKKY
7. Костина Н. Б., Чижов А. А. Влияние искусственного интеллекта на трансформацию цифрового неравенства // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2024. № 5 (92). С. 115-122. DOI: 10.69571/SSPU.2024.92.5.011 EDN: HFJHYJ
8. Cranney K., Delecourt S., Koning R. Global Evidence on Gender Gaps and Generative AI Over Time: Harvard Business School Working Paper 25-023. 2026. 65 p. URL: https://www.hbs.edu/ris/Publication%20Files/25-023_be8fb517-3dd5-40aa-97f9-4e42e1c8e6ff.pdf (дата обращения: 27.09.2026).
9. Stöhr C., Ou A. W., Malmström H. Perceptions and usage of AI chatbots among students in higher education across genders, academic levels and fields of study // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2024. Vol. 7. Art. 100259. DOI: 10.1016/j.caeai.2024.100259 EDN: VSYIFE
10. Zhang C., Wang L. H., Rice R. E. U.S. college students' acceptability and educational benefits of ChatGPT from a digital divide perspective // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2025. Vol. 8. Art. 100385. DOI: 10.1016/j.caeai.2025.100385 EDN: HWRQPZ
11. The GenAI divide among university students: A call for action / K. Beckman, T. Apps, S. K. Howard [et al.] // *The Internet and Higher Education*. 2025. Vol. 67. Art. 101036. DOI: 10.1016/j.iheduc.2025.101036 EDN: KQRXRT
12. Отстающие и опережающие: как студенты используют генеративный искусственный интеллект в образовательных целях / Я. И. Кузьминов, Е. В. Кручинская, И. А. Груздев, А. А. Наумов // *Высшее образование в России*. 2025. Т. 34, № 6. С. 9-35. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-9-35 EDN: RXDTXQ
13. Поспелова Е. А., Горлачева Е. Н., Отоцкий П. Л. Применение генеративного искусственного интеллекта в персонализации образования: восприятие студентами гуманитарных и технических специальностей // *Интеграция образования*. 2025. Т. 29, № 4. С. 734-752. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.734-752 EDN: JJHRLH
14. Кокулов А. Ф. Восприятие цифровой активности, преимуществ и барьеров цифровых навыков студенческой молодежи: на примере МГУ им. Н. П. Огарёва // *Огарёв-online*. 2025. Т. 13, № 3. С. 236-247. DOI: 10.15507/2311-2468.013.202503.236-247 EDN: GIXTFQ
15. Кокулов А. Ф., Полутин С. В. Формирование цифровых компетенций студенческой молодежи Республики Мордовии: результаты социологического исследования // *Теория и практика общественного развития*. 2025. № 4. С. 30-39. DOI: 10.24158/tpor.2025.4.2 EDN: MYQATW
16. Кокулов А. Ф., Полутин С. В. Анализ цифровых компетенций, барьеров и мотивации студентов Поволжья // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2025. Т. 16, № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/14SCSK425.pdf> (дата обращения: 27.09.2026). EDN: ANZYNB

References:

1. Van Dijk J. *The Digital Divide*. Cambridge; Medford: Polity Press, 2020. P. 208. ISBN: 978-1-5095-3444-9
2. Hargittai E. Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills // *First Monday*. 2002. Vol. 7, no. 4. DOI: 10.5210/fm.v7i4.942
3. Van Deursen A. J. A. M., Van Dijk J. A. G. M. The digital divide shifts to differences in usage // *New Media & Society*. 2014. Vol. 16, no. 3. P. 507-526. DOI: 10.1177/1461444813487959
4. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital // *Telematics and Informatics*. 2018. Vol. 35, no. 8. P. 2366-2375. DOI: 10.1016/j.tele.2018.10.006
5. Volchenko O. V. Dynamics of digital inequality in Russia // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2016. No. 5. pp. 163-182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10 EDN: YFOSRV
6. Martynenko T. S., Dobrinskaya D. E. Social inequality in the era of artificial intelligence: from digital to algorithmic gap // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021. No. 1. PP. 171-192. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1807 EDN: ZMNKKY
7. Kostina N. B., Chizhov A. A. The influence of artificial intelligence on the transformation of digital inequality // *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*. 2024. No. 5 (92). pp. 115-122. DOI: 10.69571/SSPU.2024.92.5.011 EDN: HFJHYJ
8. Cranney K., Delecourt S., Koning R. Global Evidence on Gender Gaps and Generative AI Over Time: Harvard Business School Working Paper 25-023. 2026. 65 p. URL: https://www.hbs.edu/ris/Publication%20Files/25-023_be8fb517-3dd5-40aa-97f9-4e42e1c8e6ff.pdf (date of request: 09/27/2026).
9. Stöhr C., Ou A. W., Malmström H. Perceptions and usage of AI chatbots among students in higher education across genders, academic levels and fields of study // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2024. Vol. 7. Art. 100259. DOI: 10.1016/j.caeai.2024.100259 EDN: VSYIFE
10. Zhang C., Wang L. H., Rice R. E. U.S. college students' acceptability and educational benefits of ChatGPT from a digital divide perspective // *Computers and Education: Artificial Intelligence*. 2025. Vol. 8. Art. 100385. DOI: 10.1016/j.caeai.2025.100385 EDN: HWRQPZ
11. The GenAI divide among university students: A call for action / K. Beckman, T. Apps, S. K. Howard [et al.] // *The Internet and Higher Education*. 2025. Vol. 67. Art. 101036. DOI: 10.1016/j.iheduc.2025.101036 EDN: KQRXRT
12. Laggards and outperformers: how students use generative artificial intelligence for educational purposes / Ya. I. Kuzminov, E. V. Kruchinskaya, I. A. Gruzdev, A. A. Naumov // *Higher education in Russia*. 2025. Vol. 34, No. 6. pp. 9-35. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-9-35 EDN: RXDTXQ

-
13. Pospelova E. A., Gorlacheva E. N., Ototsky P. L. The use of generative artificial intelligence in the personalization of education: students' perception of humanities and technical specialties // *Integration of education*. 2025. Vol. 29, No. 4. pp. 734-752. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.734-752 EDN: JJHRLH
14. Kokulov A. F. Perception of digital activity, advantages and barriers of digital skills of students: on the example of Ogarev Moscow State University // *Ogarev-online*. 2025. T. 13, No. 3. pp. 236-247. DOI: 10.15507/2311-2468.013.202503.236-247 EDN: GIXTFQ
15. Kokulov A. F., Polutin S. V. Formation of digital competencies of students of the Republic of Mordovia: results of a sociological study // *Theory and practice of social development*. 2025. No. 4. pp. 30-39. DOI: 10.24158/tipor.2025.4.2 EDN: MYQATW
16. Kokulov A. F., Polutin S. V. Analysis of digital competencies, barriers and motivation of students of the Volga region // *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*. 2025. Vol. 16, No. 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/14SCSK425.pdf> (date of request: 09/27/2026). EDN: ANZYNB

Информация об авторе:

Кокулов Андрей Федорович, преподаватель кафедры социологии и социальной работы Историко-социологического института ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (аспирант); <https://orcid.org/0009-0006-2844-2005>, andreikokulov@yandex.ru
Andrei F. Kokulov, Lecturer at the Department of Sociology and Social Work of the Historical and Sociological Institute of the Ogarev National Research Mordovian State University (postgraduate student)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.10.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.10.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.